

УДК 811.161.1

КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОЧИНЕНИЯХ СТАРООБЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ

С. Ю. Нагорная

*Белгородский
государственный
университет*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются языковые средства реализации коммуникативных стратегий и тактик в сочинениях старообрядцев-странников, направленных на достижение коммуникативной цели. Выявляются наиболее продуктивные модели поведения в речевой практике, влияющие на адаптацию в изменяющихся условиях и способствующие сохранению своего мировоззренческого базиса.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход, старообрядчество.

Социально-исторический опыт старообрядчества с приоритетом ценностей духовного порядка представляется ценным в аспекте изучения рече-поведенческих стратегий и тактик с целью оптимизации межличностной и межкультурной коммуникации, когда при значительной интенсификации «иноверного» окружения возможно сохранение национальной самобытности, этнокультурной ценности и духовной практики.

Несмотря на широкое употребление в современной науке таких понятий теории коммуникации как *коммуникативная стратегия, коммуникативная тактика, коммуникативный ход/прием*, они продолжают неоднозначно толковаться разными исследователями.

Речевые стратегии описываются как «совокупность процедур над моделями мира участников ситуации общения» [1, с. 11], как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели», а речевая тактика, в свою очередь, как «действия, способствующие реализации этой стратегии» [2, с. 57]. Максимова Н. В. полагает, что под коммуникативной стратегией понимается «значимая для речевого поведения языковой личности соотнесенность типа позиции в коммуникации...и типа выражающей эту позицию текстовой формы (ее коммуникативной структуры)» [3, с. 15]. По мнению Е. В. Клюева, под коммуникативной стратегией понимается «совокупность запланированных говорящим заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [4, с. 18].

Некоторые исследователи считают необходимым разводить понятия *коммуникативная стратегия* и *речевая стратегия*: «Речевая стратегия есть индивидуальное воплощение жанра, а избранный и упорядоченный в соответствии с авторским образом адресата комплекс речевых актов составляет речевую стратегию» [5, с. 13], т. е. речевая стратегия определяется как реализация коммуникативной стратегии в конкретном высказывании.

Кроме того, до сих пор остаются нечетко определенными отношения между понятиями *речевая стратегия, жанр, речевой акт* [См: 6, с. 59; 2, с. 77].

Мы будем рассматривать стратегию как комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели.

Изучение коммуникативных стратегий позволяет увидеть зависимость выбора и реализации той или иной коммуникативной стратегии от коммуникативного, социального опыта продуцента и его индивидуальных особенностей, а также от представлений об адресате. Таким образом, стратегия предполагает ориентированность в условиях осуществления речевой деятельности, умение выбрать форму действий и возможность их осуществления.

Речевыми стратегиями могут управлять определенные установки субъекта, его системы ценностей, убеждений, при этом, эффективность речевых стратегий «определяется результатами или последствиями социального взаимодействия, независимо от того, является ли данный результат преднамеренным, осознанно планируемым» [2, с. 60].

Поэтому коммуникативная стратегия как способ речевого поведения определяет семантический, стилистический, прагматический выбор говорящего, который не бывает случайным, а определяется стратегической или тактической задачами.

Старообрядческий дискурс эксплицирует уникальный опыт сохранения культурной и конфессиональной специфики и жизнеспособности в постоянно изменяющихся социосистемах, уникальные адаптационные и стабилизирующие механизмы. Особый интерес вызывает в данном аспекте одно из малоизученных направлений в староверии – странническое согласие, которое отличается постулированием ярко выраженного антиассимилятивного культурного поведения, стремлением к изоляции, оппозициональным отношением к официальным властям (непризнанием легитимности власти) и иноверцам. Опыт странников заслуживает пристального внимания, так как при всем пафосе мироотрицания, странники на практике демонстрируют успешное включение в сферы бытия [7, с. 100].

В основе конфессиональной специфики данного дискурса лежит идея спасения «древлеправославного благочестия» и себя как его хранителей путем изоляции от мира, поврежденного антихристом. Странники, с одной стороны, являются носителями когнитивной базы христианства, и религиозное сознание определяет основные ценностные ориентиры, с другой стороны, конфессиональные особенности – осознание собственной миссии – проецирует использование особых интеллектуальных, духовных, экономических и социальных практик, диктует использование определенных механизмов отбора информации, осмысления ее и структурирования. Эсхатологическое мировоззрение провоцирует осмысление происходящих в мире событий как естественного, предопределенного хода истории, а также формирует определенную линию поведения «в последние времена».

Несмотря на эсхатологическую насыщенность вероучения и пафос абсолютной изоляции от мира, старообрядцы-странники доказали жизнеспособность данного устройства. Осуществление их концепции спасения показало необходимость коммуникативных практик с миром, и поэтому странникам пришлось определять допустимые границы взаимоотношения с иносредой. Для этого ими была разработана и обоснована сложная структура согласия.

Рассмотрение языковых средств реализации коммуникативных стратегий и тактик в данном дискурсе диктуется необходимостью выявления наиболее продуктивных моделей поведения в речевой практике, способствующих адаптации в изменяющихся условиях и сохранению своего мировоззренческого базиса.

В данной статье мы ограничимся материалом исследования коммуникативных стратегий и тактик в одном странническом сборнике, а именно, в рукописи XVIII века, включающей в себя сочинения лидера и идеолога страннического согласия инок Евфимия.

Данный сборник находится в собрании Редкого фонда Российской государственной библиотеки 310, № 510. Он представляет собой редкую рукопись – автограф Евфимия из собрания известного составителя коллекции древних рукописей и одного из первых авторов систематического изложения палеографии В. М. Ундольского (1815–1864 гг.) [См. об этом: 8, с. 42–45]. Рукопись датируется 1980-ми гг. XVIII в., выполнена на бумаге в 8° листа (16,5 10,5 см), составляет 264 листа (+10 бел. л.), имеется кожаный переплет с досками и одной сохранившейся застежкой.

В. М. Ундольский, составляя каталог своего собрания, писал о данном сборнике, что это экземпляр единственный, едва ли не подлинник составителя, ни по собра-

ниям, ни даже Павлу Любопытному неизвестный. А. И. Мальцев, историк, исследователь страннического наследия, утверждает, что сборник действительно написан иноком Евфимием, идеологом страннического согласия [9, с. 64-69]. Это редкая странническая рукопись, авторство которой доказано, так как большинство старообрядческих сборников носят анонимный характер, что обусловлено не только приверженностью авторов канонам древнерусского этикета, но и задачами конспирации, так как странники особенно жестоко преследовались господствующей властью.

Сборник выполнен очень мелкой скорописью. В нем нет различий между прописной и строчной буквами, даже в написании собственных имен, слитного и раздельного написания предлогов и союзов со знаменательными словами, что вполне соответствует нормам данного периода. Ср.: «В. Е.А додуров в 1731 г. сообщает, что различие между прописными и строчными буквами соблюдается в русском языке лишь теми, кто особенно привержен к латыни...Воспринимаясь в XVIII в. как новшество, различие это оказалось в высшей мере маркированным и связанным с разными типами культурного самоопределения» [10, с. 317].

В данном сборнике также недифференцированно используются знаки препинания, точки и запятые иногда обозначают конец фразы, в отдельных случаях ставятся в середине, иногда встречается двоеточие, цитаты не выделяются графически. Как считают исследователи, «пунктуация XVIII века была связана не столько с синтаксисом, сколько с риторикой: ее средствами выражались значения, которые невыразимы современной пунктуацией: интонация, границы между периодами, ритмика и проч.» [10, с. 321].

Активно в рукописи используется прием выносных букв над строкой, а в большинстве слов имеется ударение. Наблюдаются многочисленные сокращения, в том числе подтительные, хотя титла употребляются нерегулярно. Используется надстрочный значок «взмет», заменяющий буквы “ер” и “ерь” в предлогах и в конце слов. Этим же значком заменяется буква *ы* в частице *бы* и глаголе связке *быти*. Буква *ъ* в конце слов последовательно сохраняется (за исключением случаев, когда согласная вынесена над строкой). В числовом значении чаще употребляются буквы под титлом, чем цифры, даже в цитатах законодательных материалов. Буквы *о* и «омега» используются также недифференцированно.

Следует особо подчеркнуть, что автор данной рукописи часто допускает написание буквы *е* на месте *ю* (например, *лебовь* вместо *любовь*). В данной статье передается авторское написание этой особенности.

Употребляются буквы: *s, i, v*, а также «кси», «ук», «фита», «омега», которые в примерах заменяются на *кс, у, ф, о*, буква “ять” передается знаком *ъ*, а выносные буквы помещаются в скобки. При обозначении координат фиксируемых в текстах словоформ в скобках мы обозначаем: первой цифрой - номер рукописи, второй, через двоеточие - номер листа.

Нумерация листов в сборнике принадлежит позднему периоду, по-видимому, сделана в XIX в. рукой владельца, т.е. авторская пагинация листов отсутствует, кроме буквенных сигнатур, обозначающих порядок тетрадей, из которых сшита книга.

Состав сборника, подбор текстов и их расположение в рукописи непосредственно отражают замысел автора, его коммуникативные намерения, т.е. структура сочинения репрезентирует сознательно направленную деятельность по представлению причинно-следственных связей описываемых событий.

Основная коммуникативная цель Евфимия – убедить своих оппонентов, которыми являются старообрядцы филипповского согласия, и своих настоящих и будущих последователей в правильности своего поведения, обосновать и оправдать единственно возможный свой выбор – отмежевание от филипповцев и образование нового согласия в старообрядчестве – страннического.

Убеждение Евфимий строит на основе тактики обвинения, выраженного как эксплицитно, так и имплицитно.

Следует подчеркнуть своеобразие условий данной стратегии. Обвинение носит публичный характер, но осуществляется через опосредованный контакт, так как обвиняемые присутствуют в ситуации лишь «потенциально», т.е., представляют собою косвенный адресат. При этом обязательным участником коммуникации становится *наблюдатель, читатель*, являющийся прямым адресатом высказывания. Данные условия коммуникации усложняют ситуацию: Евфимию, во-первых, требуется дискредитировать оппонента в глазах читателя, во-вторых, задеть чувства оппонентов. Успешность коммуникативной стратегии, ее результативность возможна только при решении обеих задач.

Обвинения Евфимий выстраивает исходя из установки, что читатель может оценивать его оппонентов либо положительно, либо нейтрально, из чего вытекает главная цель автора – убедить читателя согласиться со взглядами адресанта.

Сборник начинается посланием Евфимия к филипповскому московскому наставнику Ивану Алексею «збратіе», начало: *“Честнѣйшему оцу и брату Ивану алексеевичу збратіе радоватися...”* (510: 2- 72 лл.), с комментариями составителя. Далее автор включает в состав рукописи свое письмо к своему духовному сыну, состоявшему в филипповском согласии в Москве, Алексею Иванову (510: 73-123 об.); свое Послание в Москву филипповским наставникам братьям Ивану и Василию Михайловым (510: 123 об.-127об.); другое свое письмо к Ивану Алексею (510: 127 об.-129 об.); ответное письмо из Москвы за подписью Матфея Иванова (510: 130-131); письмо московских филипповских наставников к своим единоверцам Андрею Дмитриеву и другим в Вятку (510: 163-163 об.); «Сказание» Евфимия об отце Леонтии (510: 174-178 об.); *О расколническомъ именованіи и запискѣ яко цркви неполезна* (510: 179- 193 об.); Соборное постановление странников от 12 мая 1775 г. (510: 194-199); *О о(т)ступленіи и раздраніи црковномъ* (510: 200-202); Вопросы московским филипповцам (510: 202-210); *О никонских ересях и клятвенных хулениях* (510: 210-217); *О(т)вѣты на вопросы записавшихся вдвойнѣи расколническіи окладѣ архагглогородскихъ хр(с)тіанъ* (510: 217- 264 об.).

Как следует из перечня состава рукописи, Евфимий, включая в сборник тексты других авторов, выражает свою точку зрения через описание других высказываний, что является, с его точки зрения, продуктивной тактикой обвинения.

Тактика обвинения реализуется адресантом с помощью определенных коммуникативных ходов, прежде всего таких как: прямое обвинение и косвенное обвинение. Чаще всего автор сборника использует прямые обвинения в адрес Алексея Яковлева, второго лидера филипповского согласия в Москве, к которому Евфимий некоторое время принадлежал.

Коммуникативной целью использования прямых обвинений является индуктивное желательное семантики, для чего используется оценочная лексика с отрицательной коннотацией и экспрессивность высказывания: *и вто(м) нареко(х) его которино(м). и призна(х) засамовольство ево, яко о(т)самыя моровыя язвы, о(т)него вси происходящыя б(ы)ша въ цркви которы и расколы тако реко(х) ему* (510: 5 об.).

Прямое обвинение позволяет Евфимию показать желательные причинно-следственные связи, служащие для навязывания скрытого дедуктивного вывода.

В адрес другого наставника филипповского согласия, Ивана Алексея, Евфимий редко использует прямые обвинения, здесь чаще отмечаются обвинения косвенные: *ибо и сам оныи ма(ф) призналъ, что безъ исправленія худо виркви останется б(ы)ти, яко же рече той* (510: 131).

Целью косвенных обвинений является создание желательных для говорящего ассоциаций и сравнений. А соотношение содержания текста с прецедентным фактом

является средством выражения оценки: *И тако видите лебезнии, яко таковое у на(с) со она(м) матфее(м) положися слово, еже попрошеніи мое(м) котцу. вся црковныя несправности, и недостатки пописанію ра(з)смотри, и постыхъ оцъ правило(м) исправити. и просто, вся поплъдованіе прежни(х) блгочестивы(х) поморски(х) оцъ устроити, чтоб(ы) на(м) ниокого зазрънным неб(ы)ти, яко(ж) пре(д)рече(с). понеже и сам той матфей (510: 129 об.).*

Для обоснования своих действий и обвинения оппонентов адресант использует стратегию имплицитной положительной самопрезентации. Для этого он включает в сборник свои письма к филипповцам, в которых выражаются его намерения и готовность заключить согласие с наставниками, решить конфликты мирным путем. Для этого Евфимий использует коммуникативную тактику просьбы, которую реализует сначала через прием убеждения в своей искренности: *и вовсе(м) тому покараюся исполнить, и всемирно и покорно прошу ваше отеческое о мнѣ грѣшнѣ(м) лебезнии мои брате, учинити милосердіе, яко(ж) своєю дше пользное желаете, тако и о моей грѣшной дше попекитесь, и ра(з)смотреніе споболителное учините (510: 129).* В выражении просьбы адресант апеллирует к категориям Добра/Зла, тем самым подтверждая общность модели мира с оппонентом и читателем.

Но далее Евфимий выдвигает условия выполнения собственной же просьбы: *и выше силы моя неотяготите мя грѣшника, и выше мѣры прошу ва(с) котцу андреяну почтенія не приписуйте, поне(ж) ей не напользу, но паче си(м) ввышеніе и в гордость влагаете. и хоша малымъ чи(м) къ смиренію ева лебви отпишите.* Адресант оправдывает данные условия объяснением их объективности, но просьба, таким образом, становится уже требованием, исходя из обращения к категории Вреда/Полезы. Евфимий предупреждает о последствиях невыполнения данных условий, используя прием апелляции к чувствам, что уже может расцениваться как угроза.

В тактике просьбы выражается намерение адресанта и предложение к кооперативному общению, примирению: *азъ же положихъ тако е(ж) к нему еха(т), и прежде посланному до ево лебви саморучному моему писму, самолично предъ его отечески(м) лице(м) учинити прощеніе. пре(д)ставлена же ва(м) онемъ моя омышленія, оставляе вашему православному соединенію на ра(з)смотреніе, азъ же кромъ е(с) того. и тако прошу отеческое ваше блгоутробіе, въ прошедши(х) мои(х) б(ы)вши(х) довашего блголюбія оскорбленіи(х), вовсе(м) то(м) простите з(с)да ради, и не попомни моя грубости, еда како впервые и впоследствии (510: 129).* Но примирение, опять же, предлагается с определенными условиями: рассмотреть и разрешить нарушения устава скитской жизни.

Нельзя утверждать, что автор использует только конфронтационные стратегии. Евфимий хороший полемист, знающий этикетные коммуникативные нормы своего времени. Поэтому он активно применяет и ритуализованные, контактоустанавливающие тактики, имеющие своей целью эмоционально настроить собеседников на кооперативное общение.

Такие стратегии традиционно относят к прагматическим, основная цель которых направлена на поддержание добрых отношений, в данных же текстах они используются еще и с другой целью: оправдать действия адресанта, подчеркнуть его благие намерения, которые оппоненты не захотели принять.

К ритуализованным тактикам относится, прежде всего, обращение, приветствие: *Гдѣ Исѣ хрсте сне бжїм помилуй нас Честному оцу и единовѣрному охъ брату Ивану алексеече, грѣшнии старецъ Евфимїи, желаете вам мира здравія и дшевнаго спасенія, и охртѣ Исѣ радоватися (510: 128); Гсди исѣ хрсте сне бжїи помилуй нас. О хртѣ смиренному оцу и брату Евфимїю, многогрѣшный Иванъ зовамыи Матфей, и лице земно предстапами вашими себя полагаюся, и всегрѣшенїих моих ваших мо-*

литвъ всеусердно прошу, равно же и благодарность мою заваше пріятъство приношу (510: 130); и я вамъ лебезніи (510: 124); и тако видите лебезніи (510: 129 об.).

Пожелание также относится к данным тактикам: *Гди исе сне Бжія помилуй нас Честнѣйшему оцу и брату Івану алексеече збратіе радоватися (510:2).*

Прощание: *и за сим писавы грѣшныи предбгомъ, и послѣдніи вчеловѣцѣхъ старецъ, воумилени и слезахъ стопам ногу твое кланется (510: 129 об.)*

К данным этикетным тактикам следует отнести и тактику *самоуничтожение*, также выражающую прагматическую стратегию положительной самопрезентации для эмоционального настроя на кооперативное общение, которую можно отнести к традиционным ритуальным тактикам средневековья: *нанасъ бѣдствуещих, мы грубонемыслении и послѣдніи старецъ Евфиміи, аще изъло грѣшен есмь предбгомъ, послѣдніи, и хуждѣшии всѣх, азъ недостойныи (510: 128), грѣшныи предбгомъ, и послѣдніи вчеловѣцѣхъ старецъ (510: 129 об.).*

При том, что Евфимий использует обязательные ритуализированные, этикетные речевые тактики, наиболее частотными в сочинении оказываются речевые действия конфронтационные, а не кооперативные. Прежде всего это обвинения, угрозы, оправдания, дискредитация оппонентов, положительная самопрезентация, блокирование нежелательных умозаключений, стремление корректировать модель мира собеседника: *и тѣм многія вас признают нарушителемъ и нехранителем своего слова и обѣта. и егда вы втакое себя состояніе определите, то овсем къ старанію все братство подвигнетъ (510: 131); от вышеписаннаго же матфеова писма, явъ показуется ваше неисправление тако просто вирквы остается бытии (510: 132).*

Сборник начинается с использования коммуникативного хода сообщения о непонимании обвинений, которые обрушились на Евфимия со стороны филипповцев. Целью данного хода является отрицание имеющихся пресуппозиций: *Сице невѣм азъ како и откуда, праизыде нанасъ бѣдствуещих таковое вышемѣрное сънодерзостное нещеваніе. понеже нѣцѣи оглаголуеце, таковыи нанасъ произносетъ глас. Якобы мы послѣднѣйшии расколу, ирзвращению црковному винъ подлежаще, и оческому преданію несогласны сотворявшеся. того ради нас сосуждаеце тако оглаголуют. [невнимаеце ниже смотряеце въ сщенная писанія. Инимало слышати хотяеце. Еже занесогласнае писанію разумнѣе, ИСО оцы занеединомыслие], кто таковым развратам и расколом црковным винъ подлежати будет. итакомым отступническим именем порицатися может (510: л.2).* Оценка пресуппозиции осуществляется через коммуникативный прием метаописания коммуникативной ситуации для отрицания выдвинутого обвинения, признания необоснованности претензий.

Самой продуктивной тактикой стратегии убеждения в данной рукописи является тактика апелляции к авторитету, которым для всего старообрядчества является корпус сакрально-авторитетных текстов. Каждый старообрядческий лидер должен был выстроить цепочку авторитетных обоснований своего обоснования, начиная с отцов церкви и заканчивая отцами раннего староверия. Любая инновация в конфессиональной, социальной или экономической практики требует специальной обдуманности и обоснованности на основе авторитетных источников. Евфимий, прекрасно знающий своих адресатов и их установки, умело использует данную коммуникативную тактику.

Апелляция к сакрально-авторитетным текстам как рече-поведенческая тактика представляет собой однородную по интенции и реализации линию речевого поведения адресата, служащую для достижения определенного стратегического перлокутивного эффекта. Сакральные тексты, авторитарная топика являются для старообрядцев образцом действия, по которому сверяются и оцениваются все поступки, а также данные тексты используются в обосновании адаптационных практик в современных авторам условиях, и служат защитой от произвольных интерпретаций и модификаций.

Текстовые реминисценции сакральных текстов выполняют установку на определенное соотношение производимого текста с предшествующим, служат средством «включения» описываемой действительности в священную историю творения Бога, возводя единичное в типичное: *но зрите лебезніи вкормчей на листу Зм показується сице (510: 132); якоже гла прпбныхъ максим испавѣдникъ к патрикію (510: 132об.); сице тако стый златоустый насъ увѣряет (510: л.3).*

В данной рукописи четко обнаруживается оппозиция «я-мы» в именовании субъекта, анализ которой позволяет увидеть дифференциацию в выражении авторской позиции. Чередование «я-мы» позволяет видеть, как формируется категория «свой круг», дает возможность выделить области личностного вклада и объективности. У Евфимия «они»: *помыслити ... своера(з)судны(м) смышленіе(м) (510: 131); чрез невѣрныхъ учинили (510: 124 об.), а «мы»: токмо спасеніи вѣрны(х) людей бжіихъ; до всего нашего православнаго сословія неотложнъ касается (510: 131 об.); здѣ же на(м) токмо едина правда достои(т) имѣти. и на бж(с)твенная писанія зрѣти (510: 131).*

Персонификация, как коммуникативный ход стратегии убеждения, может оформляться грамматически, например, грамматической категорией лица: *Сицеже ионыи ихъ сто статіи, общимъ же братьямъ совѣтомъ устаменшиася. аво оныхъ статіяхъ ихъ намъ присмотри(с), яко законъ нашихъ оцъ премънися. понуждежъ нашего сего времени законъ федосеевъ староженческіи, и новоженческіи утвердиася. чесо ради азъ бывшего сними в томъ вподписанія статей ихъ сообщенія, яко с ними сторожены исновожены сообщихся (510: 7 об.).*

Как известно, структурирование социума путем построения оппозиции «свои – чужие» имеет давние социокультурные традиции. Само сообщество устанавливает для своих членов нормы, правила, законы, регулирующие поведение [11, с. 68-69].

Основными концептами этой категории являются дихотомически противопоставленные единицы *свой – чужой*. В этой системе координат устанавливаются отношения между я говорящего, собеседником и третьими лицами с помощью отождествления или идентификации, разграничения *своих* и *чужих* на основе символов Добра и Зла, соответствующих модели мира говорящего [12, с. 143-147]: *и не яко токма осебъ едино(м), елико по своей силъ помощію бжіею прилага(х) усердіе, оче(м) и ннѣ наше попеченіе показується, но овсей православной церкви наша стараніе происходитъ (510: 131).*

Как эмоционально-настраивающую тактику на кооперативную коммуникацию в своем сочинении Евфимий реализует тактику подтверждения общности модели мира с читателями через подтверждение общих пресуппозиций: *ибо сего настоящего многоскорбнаго плачевнаго времени, внеприсудствіи православныхъ архипастырей, хотящимъ пребывати вправаславъи вѣрѣ. и усердствующимъ в совершенномъ намъреніи назиданія добродѣтелей, спасеніе намъ свое промышляти, неинако от оцъ преда она бысть, точіе якоже впреди рѣхомъ, двѣственное безженное иноческое чистое проходить намъ предаша житіе. запреступленіе же и нехраненіе своего обѣта, повелѣша отцкви отлучати, иотнюдь непріимати, дондеже пребываютъ втаковомъ беззаконномъ савокупленіи по III, правилу великаго василія (510: 75 об).*

Таким образом, мы видим, что идентификация речевой деятельности в тексте в плане коммуникативных намерений и их реализации зависит от прагматической мотивированности адресанта, от пресуппозиций, от фоновых знаний, составляющий социокультурный опыт и говорящего, и воспринимающего текст, от индивидуального коммуникативного опыта автора. Выявление смысловых и коммуникативных интенций позволит выделить основные принципы и механизмы, регулирующие коммуникативную и когнитивную деятельность коммуникантов, для чего необходимо разноаспектное изучение всего корпуса текстов.

Список литературы

1. Баранов А. Н. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ...докт. филол. наук. – М., 1990.
2. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Омск, 1999.
3. Максимова Н. В. «Чужая речь» как коммуникативная стратегия. – М., 2005. – 317 с.
4. Ключев Е. В. Речевая коммуникация. – М., 2002. – 320 с.
5. Артемова Т. В., Катышев П. А. К вопросу об определении понятия «риторическая стратегия» // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2-х ч. – Тамбов: Грамота, 2008. – № 1 (1). – Ч. I. – С. 11–13.
6. Шмелева Т. В. Речевой жанр: опыт общелингвистического осмысления // Collegium. Киев, 1995. № 1–2. – С. 57–71.
7. Шемякина О. Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // Общественные науки и современность. – 2006. – № 2.
8. Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии. – М., 1963.
9. Мальцев А. И. Староверы-странники в XVIII - первой половине XIX в. – Новосибирск 1996.
10. Лотман Ю. М., Толстой Н. И., Успенский Б. А. Некоторые вопросы текстологии и публикации русских литературных памятников XVIII века // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. – Т. 40. – 1981. – № 4. – С. 312–324.
11. Доценко Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: Речь, 2003. – 304 с.
12. Larson, Charles U. Persuasion: reception and responsibility. Wadsworth Publishing Company. Belmont, Ca 1995.

COMMUNICATION STRATEGIES AND TACTICS IN WRITINGS OF ORTHODOX OLD BELIEVERS

S. J. Nagornaya

*Belgorod
State
University*

*e-mail:
nagornaya@bsu.edu.ru*

The article deals with linguistic means to implement communication strategies and tactics in the writings of the Old Believers-wanderers to achieve a communicative purpose. The author identifies the most productive patterns in the speech practices which affect adaptation to changing conditions and preserve its ideological basis.

Key words: communication strategy, communication tactics, communicative course, Old Believers.